

УДК 34.096 **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВЕ:
ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЙ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
С УЧАСТИЕМ НОСИТЕЛЕЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

© 2021

Н.В. Остроумов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Раскрывается понятие искусственного интеллекта, определяются его основные признаки, рассматриваются существующие концепции наделяния носителей искусственного интеллекта правосубъектностью, а также ответственности за вред, причиненный ими.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, право роботов, ответственность.

Согласно ежегодному исследованию AI Index 2019¹, в 2019 году существенно выросло внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в компаниях в самых различных сферах и в разных вариантах применения (автоматизация процессов, машинное обучение, диалоговые интерфейсы, понимание машиной естественных языков, беспилотные транспортные средства и т.д.). 58% из опрошенных в ходе исследования крупных компаний сообщают о внедрении ИИ хотя бы в одной функции или бизнес-единице в 2019 году, по сравнению с 47% в 2018 году. Поэтому является актуальным вопрос о том, что же понимается под искусственным интеллектом и как понимается искусственный интеллект в праве.

На сегодняшний день не зафиксирован факт создания так называемого «сильного» искусственного интеллекта, способного мыслить в том понимании этого слова, которое обычно связывается с человеком.

Существует различное множество более или менее интеллектуальных программ, способных решать отдельные задачи – от игры в шахматы до создания музыкальных произведений и картин. Но все существующие на сегодня программы можно называть интеллектуальными лишь условно («слабый» искусственный интеллект), поскольку их функционал существенно ограничен.

С точки зрения гражданского права, существующие интеллектуальные компьютерные программы являются объектами права интеллектуальной собственности – программами ЭВМ. В то же время закрепленное в ст. 1261 ГК РФ определение программы ЭВМ как совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерных устройств в

Н.В. Остроумов

*Доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент*

целях получения определенного результата, не совсем корректно применять по отношению к искусственному интеллекту.

На наш взгляд, искусственный интеллект должен быть выделен как отдельный объект права, при этом необходимо выделить идентифицирующие признаки, позволяющие отграничить компьютерную программу от искусственного интеллекта.

На сегодняшний день исследователи и создатели технологий, которые принято называть «искусственным интеллектом», до конца не определились с навыками, которыми должен обладать искусственный интеллект для того, чтобы считаться таковым. Причиной этому является отсутствие точного определения, что из

себя представляет мыслительная деятельность и интеллект в принципе.

Как отмечает Д.К. Куликов, методология исследования ИИ опирается на принцип, согласно которому существует универсальная способность к интеллектуальной деятельности, реализуемая в разной степени у животных и человека, а также на высокотехнологичном машинном уровне².

В.П. Карелин отмечает, что интеллектуальность предполагает наличие в системе собственной внутренней модели внешнего мира. Эта модель обеспечивает индивидуальность, самостоятельность системы в оценке входного запроса, возможность семантической и прагматической интерпретации запроса в соответствии с собственными знаниями и выработку ответа (реакции). Также В.П. Карелин полагает, что важным признаком интеллектуальности является способность к выводу, генерации, конструированию решения, которое в явном и готовом виде не содержится в системе. В этом свойстве проявляется способность системы к дедуктивному выводу («мышлению»). Это свойство иногда трактуется как способность системы формировать и выдавать новую интеллектуальную информацию, в явном виде в нее не заложенную, т.е. быть своего рода генератором новой информации, новых идей³.

Пожалуй, одним из немногих признаков ИИ, в наличии которого убеждены все или подавляющее большинство исследователей⁴, является его способность к обучению на основе информации – сети Интернет, внешних датчиков, «Интернета вещей» и специально загружаемых оператором устройства с ИИ данных. Обработка информации и осуществление на ее основе каких-то выводов является первичной функцией мозга тех существ, которых принято называть разумными, в том числе человека.

Наряду с этим выделяется также термин «машинное обучение», означающий класс методов ИИ, характерной чертой которых является не прямое решение задачи, а обучение в процессе применения решений множества сходных задач. Смысл машинного обучения состоит в использовании нужных признаков для построения моделей, подходящих для решения правильно поставленных задач⁵.

П. Флах отмечает, что обучение является лишь первой стадией для создания ИИ, завершающей стадией формирования ИИ при этом является наличие сознания⁶. Однако настанет ли когда-нибудь такой день, когда искусственно созданную компьютерную программу признают

обладающей сознанием, неизвестно. Джордж Ф. Люгер в своих исследованиях указывал, что ИИ может и не быть подобен человеческому мозгу по принципам действия и обработки информации⁷. Однако большой успех появившихся в последнее время нейросетей, их большая по сравнению с иными технологиями, основанными на методах математического анализа, степень и скорость обучаемости, говорит о том, что именно человеческий мозг может являться ключом к созданию ИИ. Проблема заключается в незначительной степени исследованности процессов, возникающих в человеческом мозге, непонимании некоторых принципов обработки информации человеком.

Термин «нейросети» обычно связывают с термином «глубокое обучение», и именно с глубоким обучением, т.е. обучением представлений, а не алгоритмам решения определенных задач, связаны успехи нейросетей в области распознавания и моделирования изображений.

Профессор Виктор Константинович Финн, заведующий отделением интеллектуальных систем Института лингвистики РГГУ, член Российской ассоциации искусственного интеллекта, полагает, что термин «нейронная сеть» не равнозначен термину «искусственный интеллект» и в чем-то может быть ему противопоставлен. В интервью «Независимой газете» он отметил, что моделирование математической конструкции под названием «нейронные сети», имитирующей активность человеческого мозга, не является созданием ИИ, поскольку человеческое познание, вопреки распространенному мифу, происходит не только в мозге, но и во внешней, социальной среде. Философом Карлом Поппером выделена сфера «объективного знания», т.е. знания, существующего независимо от человека. Следовательно, познавательный процесс происходит не только внутри человека, но и вовне, в системе объективных знаний⁸.

Одним из признаков ИИ В.Ю. Максимов, Э.С. Клышинский, Н.В. Антонов называют возможность понимать и воспроизводить человеческую речь⁹. Действительно, навык речи и общения существенно отличает человека от иных, менее развитых разумных существ. Способность понимать человеческую речь заключается не в понимании отдельных слов (таким навыком обладает большое количество существующих компьютерных программ, в том числе созданных в недавнее время голосовых помощников). Навык понимания речи состоит, прежде всего, в понимании контекста, способности применять одно из многочисленных значений слова к ситуации,

в которой оно было произнесено, способность понять скрытый или неочевидный смысл сказанного. Такие навыки требуют наличия когнитивных функций и способности к абстрактному мышлению. Как показывает практика, в том числе запуск чат-ботов в социальные сети¹⁰, для понимания человеческой речи машине недостаточно обладать огромным словарным запасом и большим количеством возможных ответных реплик, нужен более глубокий анализ информации (в частности, необходимо понимание первичных этических принципов). На сегодняшний день технологии ИИ не достигли такого уровня понимания человеческой речи, при котором возможно ведение более-менее конструктивной беседы.

В.К. Финн определяет следующие способности интеллекта, наличие которых у компьютерной программы позволяет отнести ее к ИИ:

- возможность распознавания существенного в данных;
- порождение последовательности: цель – план – действие;
- возможность отбора посылок, релевантных целям;
- рассуждение – получение следствий из имеющихся посылок;
- принятие решений посредством аргументации;
- рефлексия – способность оценивать свои знания и действия;
- познавательное любопытство – возможность ответить на вопрос «Что такое?»;
- способность к объяснению и к ответу на вопрос «Почему?»;
- синтез познавательных процедур;
- способность к обучению;
- рационализация идей и превращение их в понятия;
- способность объединять имеющиеся знания и создавать целостную картину рассматриваемого явления – способность к интеграции знаний;
- адаптация знаний при изменении условий и жизненных ситуаций, или, говоря научно, коррекция теорий¹¹.

В резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» от 17 февраля 2017 года отмечается необходимость выработки общих понятий таких терминов, как «киберфизические системы», «умные автономные роботы» с учетом следующих признаков:

1) способность быть автономными и обмениваться данными;

2) способность к обучению на основе приобретенного опыта;

3) наличие минимальной физической поддержки;

4) способность адаптации к внешней среде;

5) отсутствие жизни.

А.В. Понкин и А.И. Редькина определяют ИИ как искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия. Эта кибернетическая система обладает рядом свойств: субъектность и способность совершенствоваться; высокоуровневая способность воспринимать информацию, принимать решения и исполнять их, анализировать собственный опыт; способность адаптироваться к внешней среде, выполнять когнитивные функции (творческие, аналитические), способность к самосознанию¹².

Близкого определения придерживается и П.М. Морхат, относя к ИИ различного рода автономные системы, обладающие способностями к антропоморфно-разумным мыслительным и когнитивным действиям, саморегулированию, самоадаптированию к изменяющимся условиям, накоплению информации и опыта, поддержанию себя в гомеостазе, обучению и самообучению, проведению самотестирования по самостоятельно разработанным тестам, самостоятельному (в том числе творческому) принятию решений.

Дискуссионным является вопрос о наделении устройств с ИИ ограниченной правосубъектностью. На наш взгляд, следует согласиться с мнением А.В. Габова, И.А. Хавановой¹³ об отсутствии в настоящей социально-экономической реальности, с учетом нынешнего состояния развития ИИ и того факта, что «сильный» ИИ до настоящего времени не создан, необходимости в наделении носителей ИИ статусом субъекта права. Исследователи отмечают, что наделение статусом субъекта права того или иного субъекта общества или окружающего мира предопределяется не конкретными качествами или характеристиками этого субъекта (в данном случае – носителя ИИ), а наличием общественных отношений с участием такого субъекта, нуждающихся в правовом регулировании. В отсутствие четкого понимания сути отношений с участием носителя ИИ в качестве субъекта отсутствует необходимость их правовой регламентации, а следовательно, наделения носителя ИИ правосубъектностью, даже в какой-либо определенной части.

Тем не менее в правовой науке ведется активный диспут относительно того, как и каким образом предоставить права носителям ИИ, которые могут быть созданы в обозримом будущем, и как ввести их в правовую модель современного общества.

Ф.В. Ужов полагает, что наделение носителей ИИ «базовыми» правами является логичным этапом развития отношений человек – ИИ¹⁴ (при условии достижения такого уровня развития ИИ, при котором можно признать его способным самостоятельно мыслить). Однако при таком подходе сама мысль о наличии у носителя ИИ прав, принадлежащих человеку, кажется абсурдной. Права человека (такие, как право на жизнь, свободу, самоопределение) связаны, во-первых, с естественным происхождением человека, а во-вторых, с его возможностью осознать данные ему основные права. Каждый человек индивидуален, его личные качества, характер, знания невозможно передать искусственно иному лицу. В отношении носителей ИИ такого сказать нельзя, на сегодняшний день нельзя однозначно утверждать, что носитель ИИ, наделенный, к примеру, правом на жизнь, даже в модифицированном смысле (право на потребление электроэнергии, право на целостность и неприкосновенность и т.д.), сможет осознать в полной мере суть данного права и понять его ценность. Поэтому наделение носителя ИИ основными правами по аналогии с правами человека представляется бессмысленным.

Николай Аверченко, вице-президент по правовым вопросам фонда «Сколково», в выступлении на конференции Skolkovo Robotics предложил установить правовой статус носителей искусственного интеллекта, аналогичный статусу раба в древнеримском праве, когда рабы являлись, по сути, «говорящими орудиями»¹⁵. В законопроекте о робототехнике Дмитрия Гришина, сооснователя Mail.ru Group и инвестиционного фонда Grishin Robotics, предлагается частично использовать в отношении роботов регулирование, которое применяется к животным и юридическим лицам¹⁶.

Не исключено, что позиция о невозможности носителя ИИ иметь «человеческие» права изменится со временем, так же как изменилась позиция о наделении всех людей равными правами – от отрицания равноправия до идей «гуманизма» в области ИИ.

Концепция «электронного лица», введенная Резолюцией Европейского Парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники

Европейского Парламента от 16.02.2017 «Нормы гражданского права о робототехнике» предполагает наделение носителей ИИ правами (некоторыми аналогами прав человека) и обязанностями. Развивая данную концепцию, П.М. Морхарт предлагает определять «электронное лицо» как обладающий некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) формализованный технико-юридический образ (в значении воспринимаемой и создаваемой третьими лицами целостной информационной проекции), отражающий, воплощающий модальную фреймизацию и детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально (условно) специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, то есть его функционально-целевому назначению¹⁷.

Таким образом, проблема ИИ, определения его признаков, характеристики как объекта и субъекта права является актуальной. Сложность исследований в этой области заключается в том, что исследователь должен в какой-то мере предугадать развитие технологий ИИ и, как следствие, правовых конструкций для его регулирования.

Библиографический список

1. Проект ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» [Электронный ресурс]. URL: <http://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 24.02.2021).
2. 13 признаков искусственного интеллекта. Интервью профессора В.К. Финна // Независимая газета, 27.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/nauka/2018-06-27/9_7253_intelligence.html (дата обращения: 20.02.2021).
3. В марте 2016 года Microsoft представила чат-бота Тау для Twitter, который был отключен спустя сутки из-за расистских высказываний [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/post/392113/> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века / А.В. Габов, И.А. Хаванова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 220–238.

5. Джордж Ф. Люгер. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. 4-е изд. / Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2003.

6. Калум Макклелланд. Разница между искусственным интеллектом, машинным обучением и глубоким обучением [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/iotforall/the-difference-between-artificial-intelligence-machine-learning-and-deep-learning-3aa67bff5991> (дата обращения: 21.02.2021).

7. Карелин В.П. Интеллектуальные технологии и системы искусственного интеллекта для поддержки принятия решений / В.П. Карелин // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2011. – № 2. – С. 79–84.

8. Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы / Г.И. Колесникова // Видеонаука. – 2018. – № 2 (10). – С. 34–39.

9. Коллизии «права роботов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514> (дата обращения: 21.02.2021).

10. Куликов Д.К. Особенности мышления или зеркало самосознания для искусственного интеллекта / Д.К. Куликов // Инженерный вестник Дона. – 2014. – № 4. – Ч. 2. – С. 1–13.

11. Максимов В.Ю., Клышинский Э.С., Антонов Н.В. Проблема понимания в системах искусствен-

ного интеллекта / В.Ю. Максимов, Э.С. Клышинский, Н.В. Антонов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2016. – С. 43–60.

12. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта / П.М. Морхат. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 113 с.

13. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.

14. Перро Р., Шохам Й., Бриньольфссон Э., Кларк Д., Эчеменди Д., Грош Б., Лайонс Т., Маньика Дж., Ниблес Х.К., Мишра С. Отчет об индексе искусственного интеллекта 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://oecd.ai/wonk/documents/ai-index-report-2019-introduction> (дата обращения: 16.02.2021).

15. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права / Ф.В. Ужов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 357–360.

16. Флах П. Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных / П. Флах; пер. с англ. А.А. Слинкина. – М.: ДМК Пресс, 2015. – 400 с.

¹ Раймонд Перро, Йоав Шохам, Эрик Бриньольфссон, Джек Кларк, Джон Эчеменди, Барбара Грош, Тера Лайонс, Джеймс Маньика, Хуан Карлос Ниблес, Саурабх Мишра. Отчет об индексе искусственного интеллекта 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://oecd.ai/wonk/documents/ai-index-report-2019-introduction> (дата обращения: 16.02.2021).

² Куликов Д.К. Особенности мышления или зеркало самосознания для искусственного интеллекта // Инженерный вестник Дона. 2014. № 4. Ч. 2.

³ Карелин В.П. Интеллектуальные технологии и системы искусственного интеллекта для поддержки принятия решений // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2011. № 2. С. 79–84.

⁴ Калум Макклелланд. Разница между искусственным интеллектом, машинным обучением и глубоким обучением [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/iotforall/the-difference-between-artificial-intelligence-machine-learning-and-deep-learning-3aa67bff5991> (дата обращения: 21.02.2021).

⁵ Флах П. Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных / Пер. с англ. А.А. Слинкина. М.: ДМК Пресс, 2015.

⁶ Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы // Видеонаука. 2018. № 2 (10).

⁷ Джордж Ф. Люгер. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. 4-е изд. / Пер. с англ. М.: Вильямс, 2003. С. 777–807.

⁸ 13 признаков искусственного интеллекта. Интервью профессора В.К. Финна // Независимая газета, 27.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/nauka/2018-06-27/9_7253_intelligence.html (дата обращения: 20.02.2021).

⁹ Максимов В.Ю., Клышинский Э.С., Антонов Н.В. Проблема понимания в системах искусственного интеллекта // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016.

¹⁰ В марте 2016 года Microsoft представила чат-бота Tay для Twitter, который был отключен спустя сутки из-за расистских высказываний [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/post/392113/> (дата обращения: 20.02.2021).

¹¹ 13 признаков искусственного интеллекта. Интервью профессора В.К. Финна // Независимая газета, 27.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/nauka/2018-06-27/9_7253_intelligence.html (дата обращения: 20.02.2021).

¹² Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

¹³ Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 220–238.

¹⁴ Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017.

¹⁵ Коллизии «права роботов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514> (дата обращения: 21.02.2021).

¹⁶ Проект ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» [Электронный ресурс]. URL: <http://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 24.02.2021).

¹⁷ Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. М.: Юнити-Дана, 2018. 113 с.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW: A REVIEW OF EXISTING CONCEPTS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS INVOLVING ARTIFICIAL INTELLIGENCE CARRIERS

N.V. Ostroumov

Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Proceedings of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

The article reveals the concept of artificial intelligence, defines its main features, examines the existing concepts of endowing artificial intelligence with legal personality, as well as responsibility for the harm caused by them.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, law of robots, legal responsibility.